

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 16, Is. 5, Pp. 1325–1342, 2023
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 811.512.141.276

DOI: 10.22162/2619-0990-2023-69-5-1325-1342

Зоонимы арабо-персидского происхождения в башкирском языке и его диалектах

Зарема Назировна Экба¹

¹ Институт языкознания РАН (д. 1/1, Б. Кисловский переулок, 103009 Москва, Российская Федерация)
 кандидат филологических наук, научный сотрудник

 0000-0002-7300-1392. E-mail: [zaremaekba\[at\]iling-ran.ru](mailto:zaremaekba[at]iling-ran.ru)

© КалмНЦ РАН, 2023

© Экба З. Н., 2023

Аннотация. *Введение.* В работе впервые анализируются названия животных арабо-персидского происхождения в башкирском литературном языке и его диалектах в их соотношении с данными других тюркских языков. Исследовательская статья ставит своей целью определить и систематизировать данную лексико-тематическую группу заимствований в башкирском языке и его диалектах, определить словообразовательные типы заимствований, определить способы и время вхождения этих лексем в тюркские языки. *Материалы и методы.* В настоящем исследовании произведен максимально полный отбор наименований животных арабо-персидского происхождения в литературном башкирском языке и его диалектах на основании имеющихся словарей. В статье использованы лексико-семантический и описательный методы, метод структурного анализа, метод сравнительно-сопоставительного анализа, метод диахронического анализа, этимологический метод. *Результаты и выводы.* Выполнен сравнительный анализ зоонимов с другими тюркскими языками, а в ряде случаев — с другими языками алтайской языковой семьи, их этимологический анализ, а также определены приблизительные хронологические границы вхождения данных заимствований в тюркские языки. В ходе лексико-тематической классификации выделены следующие группы названий: «Млекопитающие», «Птицы», «Рыбы», «Насекомые и прочие», а также проанализированы арабо-персидские лексемы, выражающие общее название животных. Выявлены следующие типы словообразования зоонимов: 1) заимствуется название животного как таковое, среди таких случаев можно выделить подгруппы: а) экзотические названия; б) культурно значимые слова; в) медицинские термины; 2) композитные сочетания, среди которых определяются две подгруппы: а) определительные конструкции с изафетом; б) определительные конструкции без изафета, в том числе словосложение. В результате исследования установлено, что та часть названий, которая была заимствована в тюркские языки книжным путем, употребляется только в литературном башкирском языке, либо считается устаревшей и встречается в текстах произведений классиков башкирской литературы. Другая часть названий животных, заимствованная устным путем, употребляется исключительно в диалектах и говорах и имеет соответствия исконного происхождения в литературном языке.

Ключевые слова: языковые контакты, тюркские языки, башкирский язык, диалекты и говоры башкирского языка, заимствованная лексика, арабо-персидские заимствования, зоонимы

Благодарность. Автор выражает признательность доктору филологических наук, профессору, члену-корреспонденту РАН Анне Владимировне Дыбо за консультирование при работе над статьей.

Для цитирования: Экба З. Н. Зоонимы арабо-персидского происхождения в башкирском языке и его диалектах // Oriental Studies. 2023. Т. 16. № 5. С. 1325–1342. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-69-5-1325-1342

Zoonyms of Arab-Persian Origin in the Bashkir Language and Its Dialects

Zarema N. Ekba¹

¹ Institute of Linguistics of the RAS (1/1, Bolshoi Kislovsky Lane, 1 25009 Moscow, Russian Federation) Cand. Sc. (Philology), Research Associate

 0000-0002-7300-1392. E-mail: zaremaekba[at]iling-ran.ru

© KalmSC RAS, 2023

© Ekba Z. N., 2023

Abstract. Introduction. The article attempts a first analysis of animal names of Arab-Persian origin in standard Bashkir and its dialects in their relation to other Turkic languages. **Goals.** The study aims to identify and systematize this lexical/thematic group of borrowings to Bashkir and its dialects, identify word-formation patterns of such borrowings, reveal how and when these lexemes appeared in Turkic languages. **Materials and methods.** The work explores a variety of available dictionaries to provide a most complete selection of animal names of Arab-Persian origin in standard Bashkir and its dialects. The employed research methods include the lexical/semantic and descriptive ones, those of structural, comparative and diachronic analysis, as well as the etymological method. **Results.** The paper introduces a comparative analysis of the mentioned zoonyms against ones traced in other Turkic (sometimes even Altaic at large) languages, provides insights into their etymologies, and determines approximate chronological boundaries of when the loanwords occurred in the Turkic languages. Our lexical/thematic classification efforts have yielded a number of name groups, such as ‘mammals’, ‘birds’, ‘fish’, ‘insects’ and others. Special attention is paid to Arab-Persian lexemes expressing common animal names. The following word-formation patterns for the examined zoonyms have been identified: 1) borrowings in the form of ready-made root stems be divided into subgroups, such as exotic names, culturally significant words, and medical terms; 2) composite combinations clustering within two subgroups, such as attributive constructions with *ezāfe* particles and ones without the latter (incl. compounding). So the study attests to the share of names borrowed to the Turkic languages via books are used only in standard Bashkir or considered outdated to be found only in classical Bashkir literary texts. However, the share of animal names introduced orally can be traced exclusively in dialects and have correspondences of Bashkir origin in the standard language.

Keywords: language contacts, Turkic languages, Bashkir language, dialects of Bashkir, borrowed vocabulary, Arab-Persian borrowings, zoonyms

Acknowledgements. The author expresses gratitude to Dr. Anna V. Dybo, Professor and Corresponding Member of the RAS, for most valuable consultations.

For citation: Ekba Z. N. Zoonyms of Arab-Persian Origin in the Bashkir Language and Its Dialects. *Oriental Studies*. 2023; 16(5): 1325–1342. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2023-69-5-1325-1342

1. Введение

В тюркском языкознании имеется ряд работ, посвященных исследованиям названий животных. В первую очередь следует отметить подробный этимологический анализ наименований домашних и диких животных, результаты которого приведены в исследовании А. М. Щербака [Щербак 1961], где основной задачей ставится анализ лексики тюркского происхождения в сопоставлении ее с другими языками алтайской языковой семьи. Определенное внимание здесь уделяется и заимствованной лексике. Существует немало работ по отдельно взятым тюркским языкам: [Базарова 1978; Ишбердин 1970; Петров 1995; Садыкова 1994; Сафина 2005; Хабибуллина 2008; Юсифов 1975; и др.] В части исследований башкирского языка имеются многочисленные работы, посвященные лексике коневодства, пчеловодства, охоты и рыболовства, которые также затрагивают различные аспекты изучения зоонимов. Большинство исследований посвящены в основном исконной лексике, зоонимы арабо-персидского происхождения в башкирском языке и его диалектах не были предметом специального рассмотрения. Между тем в говорах распространен ряд лексем этой лексико-тематической группы, содержащих заимствованный компонент и не употребляющихся в литературном языке.

В работе была поставлена цель — систематизировать эту группу заимствований, определить их словообразовательные типы, а также выявить способы и приблизительное время вхождения этих лексем в тюркские языки. Для этого был произведен максимально полный отбор наименований животных арабо-персидского происхождения в литературном башкирском языке и его диалектах на основании имеющихся словарей, произведен их этимологический анализ и лексико-тематическая классификация.

2. Материалы и методы исследования

Источниками для сбора материала послужили следующие словари: «Башкорт теленең диалекттары һүзлеге» («Диалектологический словарь башкирского языка»

[ДСБЯ 2002] и «Башкорт теленең академик һүзлеге» («Академический словарь башкирского языка») (в 10 томах) [АСБЯ 2011–2018]. Методом сплошной выборки были выделены лексемы, обозначающие названия животных и имеющие в своем составе арабо-персидский компонент, которые имеют помету «диалектное» в [АСБЯ 2011–2018] или указание на конкретный диалект или говор в [ДСБЯ 2002]. Источник происхождения лексемы и ее арабо-персидское написание приводится в соответствии с [АСБЯ 2011–2018], транслитерация в соответствии с [Ахметьянов 2004–2007].

Так как перед нами стояла задача выявить, по мере возможности, хронологию вхождения лексем данной группы лексики в тюркские языки, мы обратились к научным трудам, которые содержат (помимо всего прочего) сведения о названиях животных в памятниках древнетюркской письменности: «Диван Лугат ат-Турк» Махмуда Кашгарского [МК 2005], «Древнетюркский словарь» [ДТС 2016], «Историко-сравнительный словарь тюркских языков XIV века» (На материале «Хосроу и Ширин» Кутба) [Наджиб 2017], «Botanica und Zoologica im Babur-name» («Ботаника и зоология в Бабур-Наме») [Hauenschield 2006], Грамматика И. Мегизера «Institutiones linguae Turcicae libri quatuor» («Основные правила тюркского языка») [Megiser 1612].

Учитывая, что многие арабо-персидские заимствования в башкирском и татарском языках являются общими, с целью этимологического анализа использовался «Этимологический словарь татарского языка» [Ахметьянов 2004–2007], кроме того, привлекались данные «Сравнительно-исторической грамматики тюркских языков» [СИГТЯ 2001; СИГТЯ 2006].

Научная новизна работы состоит в том, что впервые предложена классификация данной группы лексики, установлены два типа (с подгруппами) словообразования заимствованных названий животных, выявлены способы и приблизительные хронологические рамки вхождения этих лексем в тюркские языки, подробно рассмотрены диалектные названия зоонимов.

3. Слова, выражающие общее название животных

3.1. *йән* (от перс. جان *жан* ‘душа’) в значении ‘животное, зверь’ — очень широко распространенное во многих тюркских языках заимствование. Этимология слова *йән* подробно рассматривается у Р. Г. Ахметьянова, который приводит этимологию слова в языке-источнике (персидском): тат. лит. *жан*, тат. диал. *жән*, *йан*, *йән* ‘душа’, чув. *чон*, *чун* < перс. *жан* (регулярно встречается в современных тюркских языках) << пехлеви *gān*, авест. *gaupa* ~ скр. *gaṃ* *тын*, *сулыш*, *һава* ‘дыхание, воздух’¹. Там же отмечено, что слово вошло в арабский из древнеиранских языков, затем вновь было заимствовано из арабского в персидский язык; вероятно, ст.-тат. лит. *жаннан* «*йөрәк, жан*» ‘сердце’, ‘душа’ образовалось в самом арабском языке [Ахметьянов, I 2004: 189]. Соответствия в других тюркских языках: каз., кырг., к.-калп. *жан*, к.-балк. *джан*, туркм. *жан*, узб. *жон*, уйг. *жен*, тур., аз. *сан* и др. Значение ‘животное, зверь’ является вторичным и возникло уже на тюркской языковой почве, оно отмечено в отдельных современных тюркских языках (баш., тат. ‘животное, зверь’, к.-балк. ‘живое существо, создание’), в персидском языке такого значения нет. Первоначальное значение слова, в котором оно было заимствовано из персидского языка — это ‘дух, душа, жизнь (в противоположность смерти)’ [Рубинчик I, 1983: 425]². Предположительно, одно из

наиболее ранних заимствований в тюркских языках зафиксировано в словаре Наджиба: جان *жан* ‘душа’ [Наджиб, I 2017: 109]. Из тюркских языков Поволжья слово заимствовано в финноугорские: мар. *чан*, *чон*, удм. *зан*, *йан* [Ахметьянов, I 2004: 189].

3.2. *йәнлек* — является распространенным во многих тюркских языках дериватом, образованным от основы *йән* при помощи суффикса абстрактного существительного -лык(-лек): баш. *йәнлек* в значении ‘зверь / звериный’ [АСБЯ, IV 2012: 297]; тат. *жәнлек*, диал. башк. *йәнлек* ‘зверь’ > чув. *енлэк*, мар. *йанлык* > *йалнык*, удм. *зәнлык* < др.-тюрк. *ǵanlīṣ ǵanly зат* ‘живое существо’, в финно-угорские языки пришло через тюркские языки [Ахметьянов, I 2004: 192]. В демском говоре южного диалекта имеется фонетический вариант *йәннек* и употребляется в значении ‘домашний скот’; в кызылском и миасском говорах восточного диалекта в значении ‘зверь’ употребляется сама производящая основа *йән*, без добавления аффикса; в северо-западных говорах имеется производная от *йәннек* ‘зверь’ лексема *йәннеке* ‘охотник’, в среднем говоре *йәннеке* — соответствует лит. *жунарысы* ‘охотник’ [ДСБЯ 2002: 132]. Лексема *ǵanlīṣ* в значении ‘живой, одушевленный’, ‘живое существо’ зафиксирована в памятниках, в частности в самом древнем — Наманганском списке «Кутатгу Билиг» (конец XII – первая половина XIII в.) (цит. по: [ДТС 2016: 678]); там же встречается и парное *ǵanlīṣ tirig* с тем же значением ‘живой, одушевленный’ (цит. по: [ДТС 2016: 678]). Лексема *ǵanlīṣ* имеет многочисленные рефлексy в современных тюркских языках как с прямым значением ‘живой, одушевленный’, так и с переносным значением ‘живой, яркий, выразительный’. Соответственно в других тюркских языках: каз. диал. *жандық* ‘мелкий домашний скот (овцы, козы)’ [КРС 2002: 281], кырг. *жандык* ‘живое существо’, ‘мелкий домашний скот (овцы, козы)’ [Юдахин, I 1985: 228], в узбекском употребляется в сакральном значении: *жонлик* ‘домашнее животное или птица, предназначенная в жертву духам’ [УзРС 1988: 155].

3.3. *йануар* — слово распространено во многих тюркских языках, очевидно, заимствовано сразу в форме деривата: Р. Г. Ахметьянов приводит следующие соответствия: тат. лит. *жанвар*, тат. диал.

¹ Здесь и далее перевод словарных статей с башкирского и татарского на русский язык наш. — Прим. авт.

² Примечательно, что другие словари перс. яз. приводят дополнительные значения этого слова, отражающие низовые религиозные представления: ‘отец демонов’, ‘название существ, обитавших в мире до человека’ [ППАРС 1910: 425]; ‘духи, сказочные существа, населявшие землю до сотворения Адама’ [ПРС, I 1976: 205]. В тюркские языки это значение персидской лексемы не заимствовано, так как древние турки имели собственную, хорошо развитую систему религиозных представлений и соответствующую лексику в языке (см. подр. об этом: [СИГ-ТЯ 2006: 562–628]). Во многих тюркских языках перс. заимствованию *йән* / *джан* в значении ‘дух, душа’ соответствует исконное *kut* / *kot* (о корреляции этих употреблений подробнее см.: [Экба 2015: 53–62]).

жанывар ‘животное; зверь’ ~ башк. *йануар*, *йанур*, чув. *янавар* «*хайван*; *юньсез кеше*» ‘скотина; бестолковый человек’ > мар. *янавар* «*сукбай*» ‘бродяга’ ~ кар. *джанавар* «*жанвар*; *шэфкатьсез*» ‘животное, зверь’; ‘жестокий’, гагауз. *жэнавар* «*буре*» ‘волк’, кумык. *жэнавар* «*икелэнүчэн, куркак (йорт хайваны иикелле)*» ‘колеблющийся, сомневающийся’, ‘трусливый (подобный домашнему животному)’, и указывает на происхождение слова от перс. *жанавар* «*жан иясе, жан йөртүче; мәхлүк, юньсиз, мескен*» ‘существо (букв. хозяин души)’; ‘божье создание’, ‘бестолковый, несчастный, беспомощный’ (*жан* «*жан*» ‘душа’, *овар*, *вар* «*йөртүче*» ‘ведущий, направляющий’ < авест. *bar* ~ скр. *bhar*) [Ахметьянов, I 2004: 189]. Соответствия в других тюркских языках: каз. *жануар* ‘животное, скотина’, а также ‘ласковое обращение к животному (чаще всего к лошади или верблюду)’ [КРС 2002: 281], кырг. *жаныбар* ‘животное’, а также ‘ласковое обращение к животным, людям и предметам’ [Юдахин, I 1985: 129], к.-балк. *джаныуар* ‘животное, зверь’, ‘хищное существо, тварь’ [КБРС 1989: 226], кум. *жанывар* ‘живое существо, живой организм’, [СОЛКЯ 2020: 57], тур. *canavar* прямое и переносное ‘хищник’, ‘зверь’, тур. диал. ‘боров’, ‘дикий кабан’, ‘волк’ [БТРС 1998: 143] и др. Лексема *zanvar* ‘животное, зверь, живое существо’, отмечена в памятнике «Врата истин» А. Югнекского (стамбульский список уйгурским письмом с подстрочным дублированием арабским письмом, 1480) [ДТС 2016: 678]. В чувашском кыпчакское заимствование, с обычной для этих случаев передачей начального *ž*-персизмов и арабизмов через *j*-. ср. чув. *юмарт* ‘радушный’ < перс. *žud-mard* ‘щедрый’, чув. *ямахат* ‘семья’ < ар. *žamāhat* ‘общество’ и др. В некоторых тюркских языках встречается и парное словосочетание в значении ‘все живое’, ‘все живые существа’: к.-балк. *жан-жаныуар* [КБРС 1989: 806–807], кумык. *жан-жанывар* [СОЛКЯ 2020: 43] и др.

Исконным соответствием персидского заимствования *йән* в значении ‘животное, зверь’ с некоторой оговоркой можно считать пратюрк. **kejik*, которое, однако, не имеет полного семантического соответствия и употребляется в значении ‘дичь (главным образом, парнокопытные)’, встречается в орхонских, енисейских и древнеуйгурских

памятниках [СИГТЯ 2001: 151]. А. М. Щербак отмечает, что «значения лексемы *kijik* очень разнообразны: узб. ‘серна, сайгак’, алт. ‘дикий зверь’, согласно описанию султана Бабура, обозначает название группы живых существ, ‘животное, зверь’» [Щербак 1961: 121]. Рефлексы этой лексемы в современных тюркских языках имеют еще более широкий и разнообразный круг значений, ср. например: *kajik* чув. ‘птица’, чув. диал. ‘заяц’, ‘насекомое, мошка’, тат. ‘вошь’, тат. диал. ‘мышь’, а также обще-тюрк. ‘дикий (о животных и растениях)’, сюда же можно отнести кумык. разг. *гийик* ‘волк’, кайт. диал. ‘олень’ [СОЛКЯ 2020: 57]; отдаленное семантическое сходство наблюдается при развитии переносного значения, ср.: тур. перен. *canavar* ‘хищник’, ‘зверь’, кар. *kajik* ‘жестокый’, ног. ‘нелюдимый’ и др. (см. подробнее: [СИГТЯ 2001: 151–152]).

Следует отметить, что общеродовые названия животных **kuš* ‘птица’, **kurt* ‘насекомое’ и **balyq* ‘рыба’ в тюркских языках являются исконными.

4. Млекопитающие (звери)

4.1. *маймыл* (перс. *میمن* *маймун*) ‘обезьяна’; в башкирских диалектах распространены различные фонетические варианты: караид. *маймун*, ср. *маймук*, арг. *маймын*, дем. *маймун* — соответствует лит. *маймыл* ‘обезьяна’ [ДСБЯ 2002: 227]; происхождение слова указано по: [АСБЯ, VI 2014: 166]. Р. Г. Ахметьянов указывает на арабское происхождение слова: тат. лит. *маймыл*, *маймул*, тат. диал. *маймун*, башк. *маймун*, *маймын*, *маймун* ‘обезьяна’ > чув. *маймәл*, удм., мар. *маймыл*, ног., каз., кирг. *маймыл*, узб. диал. *маймыл* < чаг., к.-балк. *маймул* < куман., кумык., кар., уйг., осм. *маймун* < ар. *маймун* [Ахметьянов, II 2007: 165]. Он же возводит этимологию слова к арабскому корню *ймн* ‘*бәхетле булу*’ ‘быть счастливым’, отсюда название страны Йемен ‘счастливая страна’ (по аналогии с рус. ‘Счастливая Аравия’ (из легенды)); все что привозилось из Йемена, считалось удачным, счастливым, в том числе обезьяны: *маймыллар да «бәхетле халык» дип исәпләнгәннәр* ‘обезьяны считались «счастливым народом»’; отсюда же происходит и женское имя *Мәймүнә «бәхетле кыз; Йәмән кызы»* ‘счастливая девушка’, ‘девушка из Йемена’. Однако ученый указывает, что до

конца не ясно, что является первичным — глагольный корень или собственное имя, он предполагает родство лексемы *маймун* > *маймыл* с др.-рус. *мамона* < латин. *manina* > итальян. *manina* >> англ. *monkey* «*маймыл*» («обезьяна») [Ахметьянов, II 2007: 165]. Слово отмечено в Бабур-наме: *tautūn Affe* [Hauenschild 2006: 101]; в Грамматике И. Мегизера отмечено параллельное употребление двух лексем в значении «обезьяна»: *maimon ~ schaidi* [Megiser 1612: 319], что, по всей вероятности, объясняется нестатичностью языковой нормы того периода времени. Достоверно установить происхождение этой лексемы в тюркских языках не представляется возможным, она одинакова употребительна в арабском и персидском языках. Для древнетюркских памятников реконструирована более древняя лексема *be:çin «обезьяна» и отмечено, что слово отображает бродячий корень, т. е. семитские и индоевропейские названия обезьяны, при этом оно имеет монгольскую параллель *теçin*, т. е., возможно, это раннее заимствование в тюркские языки из монгольских [СИГТЯ 2001: 168].

4.2. *нар* (перс. *نار* *нар*) «одногорбый верблюд»: в отдельных башкирских говорах название образовано словосложением перс. *نار* *нар* «одногорбый верблюд» + тюрк. *дөйә* «верблюд»: сакм., иргиз. *нардөйә* «одногорбый верблюд» — соответствует лит. *нар* (*бер үркәсле дөйә*) «одногорбый верблюд» [ДСБЯ 2002: 243], «дромадер, дромедар, арабиан». Академический словарь указывает на арабское происхождение слова [АСБЯ, VI 2014: 523]; у Р. Г. Ахметьянова указано на его персидское происхождение: *нар* «верблюд (одногорбый)» < обще-юж.-тюрк. *нар* < перс. *нар* [Ахметьянов, II 2007: 203]. На персидское происхождение слова указывает и М. Ряснен: čag. kzk. *nar* «*einhöckeriges Kamel*» = kalm. (KWb. 272) *nar*: n. *temēn* «*Bastard des einhöckerigen Kamels mit dem Zweihöckerigen*» < pers. *nar* «самец» [VEWT 1969: 350]. Соответствует в других тюркских языках: турк., каз., кирг., к-калп., ног. *нар* «одногорбый верблюд»; аз. *нег* «самец верблюда (независимо от его породы)» [Щербак 1961: 104]. Вероятно, это относительно позднее заимствование, так как для пратюркского состояния реконструируется большое количество исконных лексем, выражающих различные наименования верблюдов в за-

висимости от возраста, пола, способа функционирования и других признаков: **buğa* «взрослый верблюд», **bota* «верблюжонок» **torum* «двухгодовалый верблюд» и мн. др. (см. подробнее: [СИГТЯ 2001: 424–448]). Кроме того, следует принять во внимание тот факт, что в пратюркской языковой картине мира верблюду отводится значительное место как в области жизнедеятельности, так и в мифологических представлениях тюрков в фольклорной образной системе, что и способствовало весьма развитой исконной терминологии.

Учитывая географическую прародину древних тюрков, есть основания предполагать, что их предки имели дело с традиционными двугорбыми верблюдами, которых в животноводческой терминологии принято называть бактрианами: эти животные обитали на территориях современной Монголии и Средней Азии и были одомашнены еще 4 тыс. лет назад. Этот род верблюда хорошо приспособлен как к жаркому, засушливому климату, так и к сильным морозам, снегу и ветру. Одногорбый верблюд, которого называют дромадер (дромедар) или арабиан, родом из Северной Африки и Ближнего Востока, обитает в пустынных и полупустынных зонах этих регионов; считается, что он был одомашнен на территории Аравийского полуострова на 1 тыс. лет раньше своего двугорбого сородича, тоже обладает высокой выносливостью, однако более скудный шерстяной покров не позволяет ему существовать в холодном климате. Интересно отметить, что в животноводческой терминологии нарами называют гибрид первого поколения самки-бактриана и самца-дромедара, который по своим физическим свойствам превосходит родительские виды [Новицкий 2017].

В современном персидском языке лексема *نار* (*нәр*) имеет следующий ряд значений: 1) «мужского пола, относящийся к мужскому полу», 2) уст. «мужественный, храбрый, сильный»; 3) «самец» (употребляется в сочетаниях с названиями животных: осел-самец, лев-самец, бык и т. д.) [Рубинчик, II 1983: 634], т. е. собственно значения «верблюд» эта лексема в языке-источнике не имеет. На наш взгляд, изначально слово было заимствовано в тюркские языки в значении «самец верблюда», которое из современных языков сохранилось только в азербайджанском.

Подтверждением этой точки зрения может служить также употребление этого значения в татарских дастанах «Атулы Батыр» и «Ал-фамыш»: «*нар* — бер өркечле ата дөя, төрки дастаннарда көч символы буларак йери¹ (см. подробнее об этом: [Ахметова-Урманче 2004: 408, 519]). Подобное употребление находим и в киргизском героическом эпосе: «нарами» образно называются главы родов, старейшины» (см. подробнее об этом: [СИГТЯ 2006: 725–726]. Со временем словом *нар* стал называться любой одnogорбый верблюд, безотносительно к полу, в противоположность к уже известному двугорбому, встречаются и производные от него: в татарском эпосе *наргычы* ‘погонщик верблюдов’.

Учитывая вышеприведенные сведения, дромедара можно отнести к разряду экзотических животных в языковой картине мира древних тюрков, а лексему *нар* — к заимствованию, которое пришло в тюркские языки книжным путем. Кроме того, достоверно подтверждается персидское происхождение данной лексемы, несмотря на то, что в некоторых лексикографических источниках она указывается как арабская.

4.3. *фил* (перс. *فيل* *фил*) ‘слон’, происхождение слова приведено по: [АСБЯ, IX 2017: 299]; Р. Г. Ахметьянов указывает, что в тюркские языки слово пришло через арабский из санскрита: *фил* ‘слон’ < ар. *фил* < скр. *pīl*; мар. и чув. *пил* заимствованы из татарского [Ахметьянов, III 2007: 228]. Соответствует в других тюркских языках: каз. *пил* [КРС 2002: 677], ног. *бил* [НРС 1958: 585], кумык. *пил* [СОЛКЯ 2020: 58], узб. *fil* [УРС 1989: 36]. Лексема отмечена в Бабур-наме: *fil* ~ *pil* ‘Asiatischer Elefant’ [Hauenschild 2006: 85]; встречается у А. Югнекского («Врата истин», стамбульский список арабским письмом, конца XV – начала XVI в): *FIL* ‘слон’ (цит. по: [ДТС 2016: 207]), зафиксирована в Грамматике И. Мегизера: *füll* — лит. *fil* ‘слон’ [Megiser 1612: 306]. В «Сравнительно-исторической грамматике тюркских языков» для значения ‘слон’ реконструируется более старое древнекитайское заимствование **jaŋ-gan* < *xiang* и отмечено, что слоны в Северном Китае встречались еще в I тыс. до н. э., так как упоминания об охоте на сло-

¹ Нар — самец одnogорбого верблюда, в тюркских дастанах является символом силы (перевод наш).

нов встречаются еще в иньских надписях [СИГТЯ 2001: 156]. Относительно позднее книжное заимствование.

4.4. *хәтер* (ғәр. *خاطر* *xätp*) ‘память’; употребляется в миасском говоре в составе словосочетания *хәтерһез ат* (букв. ‘беспамятная лошадь’) в значении ‘ленивая лошадь’; баш. лит. *хәтер* ‘память’, ‘настроение, душа’, ‘сердце’; тат. ‘память; самосознание; достоинство личности’; Р. Г. Ахметьянов возводит к арабскому слову *xätp* в значении ‘тревога’ (от арабского корня *xtp* (с твердым *-t*) в значении ‘быть осторожным’, ‘помнить’; отсюда *хәтар* ‘куркыныч’ ‘опасность’, *хәтарле* ‘куркынычлы’ ‘опасный’, а также прилагательное *хәтар* [Ахметьянов, III 2007: 234]; в баш. диал. иргиз. *хәтир* ‘память’, сакм. *хәтарле* ‘опасно’; в Наманганском списке «Кутатгу Билиг»: *хәтир* *خاطر* ‘мысль, душа’ [ДТС 2016: 675]. Вторая часть наименования — исконное слово.

Рассмотренные названия млекопитающих заимствованы в виде готовых корневых основ, исключение составляет только наименование *хәтерһез ат* ‘ленивая лошадь’, где заимствованный компонент употреблен в качестве определения, оно же является чисто диалектным, остальные термины употребляются в литературном башкирском языке, с некоторой оговоркой в отношении лексемы *маймыл* ‘обезьяна’, которое имеет диалектные фонетические варианты. Термины *маймыл* ‘обезьяна’ и *фил* ‘слон’ не имеют исконных параллелей, вероятно, в связи с отсутствием самих этих объектов в пратюркской языковой картине мира, но имеют более древние соответствия, заимствованные из других языков; название *нар* ‘одnogорбый верблюд’ является более поздним заимствованием по отношению к исконным названиям верблюдов. Арабо-персидские названия обезьяны, слона и верблюда заимствованы книжным путем, а наименование *хәтерһез ат* ‘ленивая лошадь’ является вторичным образованием на основе переносного значения (ср., например, кумык. диал. *чабан ыгъюз* / *чаван огуз* ‘ленивый вол’ [СОЛКЯ 2020: 45]).

5. Птицы

5.1. *былбыл* (ар.-перс. *بلبل* *булбул*) ‘соловей’; Р. Г. Ахметьянов указывает на арабское происхождение слова [Ахметьянов, I 2004: 168]; в современном башкирском языке

ке употребляется как поэтический термин, в словаре приводится его арабо-персидское происхождение [АСБЯ, II 2011: 455]; распространено во многих тюркских языках Средней Азии и Кавказа в различных фонетических вариантах: каз. *бұлбұл* [Бектаев 2007: 113], узб. *bulbul* [УРС 1989: 22], ног. *билбил* [НПС 1958: 585], к.-балк. *булбул* [КБРС 1989: 168], кумык. *бюлбюл* [СОЛКЯ 2020: 60; и др.]; из памятников наиболее раннее упоминание в Бабур-наме: *bulbul* ‘Nachtigall’ [Hauenschild 2006: 78]; отмечено и в Грамматике И. Мегизера: *bulbul* [Megiser 1612: 295]. Для центральноазиатских ветвей тюркских языков для значения ‘соловей’ реконструируется старое заимствование из согдийского **sandyuāc* ‘соловей’ с первоначальным значением в согдийском *znt’wč* ‘обладающий мелодичным голосом’, а также ср.-согд. *znt’wč’h’mry* ‘певчая птица’ [СИГТЯ 2001: 176], исходя из чего правильным будет предположить относительно позднее вхождение арабо-персидского термина в тюркские языки книжным путем.

5.2. *зур сыпкai* ‘чомга’ (букв. ‘большая поганка’), в аргаяшском говоре употребляется в значении ‘чомга’, соответствует лит. *урзан* ‘чомга (вид дикой утки)’ [ДСБЯ 2002: 86]; в составе названия в качестве определения использовано перс. (фарс. *زور* *зур*) ‘большой’; Р. Г. Ахметьянов сопоставляет тат. *зур* ‘большой’ с финским и эстонским словами *суур*; общее зап.-тюрк. *зор* < происходит из перс. *зор*, *зур* «*көч*, *көчлек*; *көчәнү*, *кыен*» в значении ‘сила’, напряжение, затруднение’, а также древн. индо-иран. *sīga*, др.-греч. *ζορ(α)* «*көчле*, *зур*» ‘сильный, большой’. Для татарского языка происхождение лексемы он предполагает не из персидского, а из одного из древних индоевропейских языков, однако в сиб.-тат. *зур* «*көчлек*» ‘сила’ (*зулла-у* «*көчләү*, *жәберләү*») пришло через языки Средней Азии [Тумашева 1992: 52; Ахметьянов, I 2004: 223–224]; соответствует в других тюркских языках: кырг. *зор* ‘большой, громадный’, ‘сила, насилие’ [Юдахин, I 1985: 292], к.-балк. *зор* ‘сила, принуждение’ [КБРС 1989: 237], узб. *зог* ‘сила, мощь’, ‘усердие, старание’ [УРС 1989: 167] и др. Вторая часть слова *сыпкai* является исконной и означает название птицы ‘поганка’ (водоплавающая птица из породы уток, мясо которой имеет неприятный привкус) [АСБЯ, VII 2015: 748]. Интересно

отметить, что русское название птицы *чомга* / *чемга* ‘поганка’, согласно мнению некоторых ученых, вошло в русский язык через татарский и образовано от глагольной основы *чум-* ‘нырять’ [Сафина 2005: 15].

В башкирских говорах лексема *зур* ‘большой’ также активно употребляется для образования диалектных названий растений в составе сложных слов, ср., например: *зур шылтырауык үлән* ‘погребок’, *зур юл япрагы* ‘подорожник’ и др.

5.3. *салбарлы тауык* ‘мохноногая курица’ (букв. ‘курица в брюках’), кызыл., иксакам. ‘мохнатоногая курица’ [ДСБЯ 2002: 267], или *аягы кауырһын менән капланған тауык* [АСБЯ, VII 2015: 368]; в составе названия в качестве определения употребляется (перс. *شلوار* *шалуар*) ‘брюки’ с присоединением исконного аффикса *-лы* со значением обладания. Соответствует в других тюркских языках: тур. *şalvar*, аз. *şalwar* ‘брюки, шаровары’, баш. *салбар*, узб. диал. *şalwar*, *şalbug* ‘брюки’; к.-балк. *шалбар* ‘штаны, шаровары’ [СИГТЯ 2001: 478]; на персидское происхождение слова указывает М. Ряснен [VEWT 1969: 27]; вторая часть названия *тауык* ‘курица’ — исконное слово; в основе башкирского названия *салбарлы тауык* лежит явная метафоризация, оно имеет узко-диалектное употребление в отдельных говорах.

5.4. *мәрийенкүз* ‘чирок’ (букв. ‘глаза как бусины’), употребляется в миасском говоре в значении ‘чирок’ [ДСБЯ 2002: 241], соответствует лит. *сүрәгәй өйрәк* ‘чирок’ (вид мелкой, пестрой утки) [АСБЯ, VII 2015: 701]; происходит от *мәрийен* (ар. *مرجان* *мәржән*) ‘бусина, бусы’, ‘коралл, коралловый’ + тюрк. *күз* ‘глаз’; в кызылском говоре употребляется *мәрженкәй өйрәк* (букв. ‘коралло-подобная утка’) ‘чирок’, где арабское *мәржен* ‘бусина, бусы’ или ‘коралл, коралловый’ употребляется с аффиксом *-кәй* (в значении ‘подобный’) + тюрк. *өйрәк* ‘утка’. Очевидно, оба названия произошли на основе метафорического переноса: в первом случае глаз птицы уподобляется бусине, во втором — в основу названия легла окраска перьев этого вида утки. Р. Г. Ахметьянов приводит следующие параллели: тат. *мәржән*, баш., тат. диал. *мәрийән*, *мәрийен*, сиб.-тат. (цит. по: [Тумашева 1992: 150]) *мәрцен* ‘кораллы; бусы; бисер’ > чув. *мерчен*, мар., удм. *мәрзән*, *марзан* < ар. *мәржән*, *мәржән* < арамей. (древн.

диал. евр. яз.) *marganida* < грек. *μαργαρίτης* «энжэ, маржэн» ‘жемчуг, коралл’; в этот же ряд он относит рус. из латин. > *Маргарита* ‘название цветка и женское имя’ > ар. > тат. *мәрварит* ‘жемчужный цветок’. По мнению некоторых исследователей, греческое слово имеет семитское происхождение; широкое распространение имеют производные от него антропонимы *Маржэн*, *Маргарет*, *Мәрварит*, в древности эти имена присваивались детям рабов [Ахметьянов, II 2007: 182]. Интересно отметить, что в киргизском фольклорном эпосе для образной передачи особой прочности богатырской кольчуги используется сравнение ее колец с глазом птицы (чымчык көз), жаворонка (торгой көз) или курицы (тоок көзү) [СИГТЯ 2006: 711].

5.5. *тутый, тутыйгош* (перс. طوطی *тоута, туги*) баш. лит. прямое значение ‘попугай’, в кызыльском говоре употребляется фонетический вариант *тотогош* [ДСБЯ 2002: 339], переносное значение ‘красотка’ [АСБЯ, VIII 2016: 617]; Р. Г. Ахметьянов приводит следующую этимологию: тат. *тутый* попугай < перс. *тоута, туги* < скр. *тоту*, чув. *туртайш* < *тутый кош* (цит. по: [Федотов, II 1996: 254]). По мнению некоторых исследователей, рус. *дутьиш* «күгәрчен токымы» ‘голубиное семя’ происходит из тат. *тутый кош* [Ахметьянов, III 2007: 181]. Соответствует в других тюркских языках: кирг. *тоту* ‘попугай’, ‘сказочная птица, отличающаяся красивым голосом и ярким оперением, райская птица’ [Юдахин, II 1985: 256], узб. *toti* ‘попугай’, в казахском и ногайском наблюдаем семантический сдвиг: каз. *туты*, ног. *тотыгус / тутыш кус* ‘павлин’; вторая часть сложного слова *тутыйгош* ~ *тотыгус* ~ *тутыш кус* является фонетическим вариантом исконного *kuš ‘птица’ (см. подробнее: [СИГТЯ 2001: 168]).

5.6. *тауис* (перс. طاوس *tawis*) ‘павлин’; соответствует в других тюркских языках: тат. *тавис / тавыс*, кумык. *тавус / тутукъуш* [СОЛКЯ 2020: 61], узб. *tawus*, тур. *tavus kuşu* и др. Р. Г. Ахметьянов справедливо считает, что слово пришло в тюркские языки из греческого через арабский: *тавис* ‘пава, павлин’ < ар. *tawis* < греч. *ταῦς* [Ахметьянов, III 2007: 81].

Обе лексемы — *тутый* ‘попугай’ и *тавис* ‘павлин’ — вошли в тюркские языки не позднее XV–XVI вв., они отмечены в Бабур-наме: *tāūs* ‘Pfau’, *tūtī* ‘Paragei’

[Hauenschild 2006: 123, 131] и в Грамматике И. Мегизера: *dudi* ‘попугай’, *tausch* ‘павлин’ [Megiser 1612: 302, 332] и представляют собой книжные заимствования.

5.7. *шаһбаз* (перс. شاهباز *шахбаз*) баш. лит. уст. ‘сокол’, в современном башкирском литературном языке соответствует *ыласын* ‘сокол’ > пратюрк. *laçun [АСБЯ, IX 2017: 793]; как и лексема *былбыл* ‘соловей’, заимствование пришло в тюркские языки книжным путем, в диалектах и современном литературном языке в прямом значении не употребляется, имеет переносное значение ‘храбрый, смелый’, встречается по большей части в поэзии и текстах классиков башкирской литературы. Для пратюркского состояния для значения ‘сокол’ реконструирован ряд лексем исконного происхождения: *kart-y ‘орел, сокол, беркут, ястреб’, *tojgan ‘сокол, ястреб’ и *laçun ‘сокол’ (см. подробнее: [СИГТЯ 2001: 169–170]), что также свидетельствует в пользу более позднего вхождения персидской заимствованной лексемы в круг этого значения относительно исконных названий.

В рассмотренных диалектных названиях птиц *зур сыпкай* ‘чомга’, *салбарлы тауык* ‘мохнатоногая курица’, *мәрийенкүз* и *мәрженкәй өйрәк* ‘чирок’ заимствованный компонент используется в качестве определения в составе сложных слов, а собственно сами названия птиц имеют исконное происхождение, эти названия образовались на башкирской языковой почве. Литературные заимствования *былбыл* ‘соловей’, *тутый / тутыйгош* ‘попугай’, *тауис* ‘павлин’ и *шаһбаз* ‘сокол’ заимствованы книжным путем в виде готовых корневых основ.

6. Рыбы

6.1. *сәләймән* (ғәр. سليمان); в башкирском языке *сәләймән* ‘лосось’ [АСБЯ, VII 2005: 605], название имеет весьма интересную историю происхождения и связано с представлением о пророке Сулеймане как духе воды [Хисамитдинова 2010: 268]. Хотя Р. Г. Ахметьянов считает неправомерным связывать это название с именем библейского пророка Сулеймана (Соломона) [Ахметьянов, III 2007: 60], есть некоторые свидетельства того, что в коранической традиции это имя все же ассоциировано с водной стихией: в исследовании О. А. Сухаревой указывается, что «по мусульманскому поверью, его трон

висел над водой» [Сухарева 1975: 47]. Здесь нельзя не вспомнить и суфийскую легенду о том, как шах Сулейман Бакиргани был проклят Аллахом, и в качестве наказания после смерти его могила осталась под водой. Происхождение такой легенды имеет под собой вполне обоснованный исторический факт — изменение русла реки Амударьи после разрушения плотин во время монгольского нашествия в 1221 г., о чем писал [Бартольд 1965: 325]. В башкирском языке встречается и название растения, производное от этого имени: *сәләймән мөһөрө* (букв. ‘печать Сулеймана’) ‘водяное растение, относящееся к семейству лилейных’, в башкирской мифологии считается ‘цветком водяного’ [Хисамитдинова 2010: 268]. В СИГТЯ для значения ‘лосось’ реконструирована лексема *beI, отмечено, что это локальное сибирское слово, внешних параллелей к которому не обнаружено [СИГТЯ 2001: 179].

6.2. *сәркәш балык* или *сәркәш балыгы* в башкирском языке ‘бойцовая рыбка (сиамский петушок)’ [АСБЯ, VII 2015: 823]; определительная часть названия образована от перс. سرکش *сәркәш* ‘упрямый, драчливый’, в башкирском литературном языке и айском говоре южного диалекта имеет значение ‘упрямый’ [ДСБЯ 2002: 295]. Этимологию слова подробно разбирает Р. Г. Ахметьянов: баш. диал. *сәркәш* ‘ездовой бык; драчун; любитель главенствовать’, баш. лит. *һәркәш* ‘бодливый; бойцовый (о животных)’, тат. *сәркәш* ‘своенравный и упорный’, уйг., узб. и др. *сәркәш*, чаг. *сиркә* и возводит его к перс. *сәркәш* «көтү баишыгы (кәжә, тәкә); баш күтәрүче» ‘предводитель стада (коза, козел)’; букв. «баш сузучы (*сәр* ‘баш’, *кәш* ‘сузучан’)» — букв. ‘растягивающий голову’ [Ахметьянов, III 2007: 45]. Очевидно, название образовано на основе метафорического переноса, второй компонент изафета — исконное слово, подробно этимология общего родового названия — лексемы *baluq* ‘рыба’ приводится в [СИГТЯ 2001: 177], также отмечено, что это наименование является мифологически маркированным [СИГТЯ 2006: 711]; зафиксировано у Махмуда Кашгарского: *балиқ* ‘рыба’, к ней приведена пословица *Балиқ сувда күзи таитин* ‘Рыба в воде, но глаза ее наверху’ (так говорят о тех, кто будто бы проявляет беспечность к чему-либо, но на

самом деле бдит) [МК 2005: 358].

6.3. *хәрәмалабуға* ‘ерш’; в сакмарском говоре употребляются дериваты от производящей основы *хәрәм* (ар. حرام *хәрәм*) ‘запрещенный, недозволенный’ *хәрәмалабуға*, *хәрәмсе*, *хәрәмтәй* в значении ‘ерш’ — соответствует лит. *этеш* ‘ерш’ [ДСБЯ 2002: 367]; в башкирском языке лексема *алабуға* имеет значение ‘окунь’, а также мифологическое значение ‘священная рыба’ [АСБЯ, I 2011: 222], т. е. диалектное название *хәрәмалабуға* буквально может означать ‘запретный окунь’ либо ‘запретная священная рыба’ — оба варианта равновероятны, подтверждение чему находим в «Мифологическом словаре»: «*Алабуға* — окунь, тотемная рыба тюрков, в том числе и башкир, досл. ‘пегий бык’ или ‘пегая корова’; встречается в родоплеменной этнонимии башкир; пегая масть — масть скота, который вышел со дна озера вместе с конем Акбузатом; в соответствии с легендой часть скота пегой масти ушла обратно в озеро и превратилась в рыб — *алабуға*» [Хисамитдинова 2010: 21]. Помимо этого, основным значением арабского заимствования *хәрәм* является ‘запрещенный по шариату’ (ср., например, баш. *хәрәм аш* ‘запрещенная шариатом еда’, *хәрәм эш* ‘греховное дело’, *хәрәм мал* ‘имущество, нажитое нечестным путем’ и т. д.), т. е. представляется весьма возможным соотносить диалектное название ерша с неким религиозным запретом, существовавшим в отношении этого вида рыбы. Такая этимология вполне укладывается в более общую концепцию относительно подобного рода запрета, например, есть данные относительно верований древних таджиков: «Как и во многих местах Средней Азии, где есть водоемы при святынях, эти рыбы считались священными, запретными для употребления в пищу. Существовало представление, что рыбы — разумные существа, так как когда-то могли быть людьми» [Карамышева 1987: 234].

Два других диалектных названия ерша — *хәрәмсе* и *хәрәмтәй* — образованы путем присоединения к заимствованной основе исконных аффиксов: *хәрәмсе* — при помощи аффикса деятеля *-се*, т. е. буквально означает ‘совершающий грех’ (прямое значение этого слова ‘мошенник, плут, жулик, шулер’) [АСБЯ, IX 2017: 434], *хәрәмтәй* — при помощи аффикса *-тәй* со значением ‘похожий,

подобный', т. е. буквально 'уподобленный греху'. Самостоятельно название *алабуга* 'окунь' традиционно рассматривается как сложное слово, с первым компонентом *ала* 'пестрый', толкование второго неоднозначно как по семантическим, так и по фонетическим признакам (см. подробнее об этом: [СИГТЯ 2001: 178]).

Таким образом, диал. названия рыб *хэрэ-малабуга* 'ерш' и *сэркәш балык / сэркәш балыгы* 'бойцовая рыбка (сиамский петушок)' получили вторичное развитие на почве башкирского языка, название *сөләймән* 'лосось', скорее всего, является усеченной формой от *сөләймән балыгы* по аналогии с предыдущим названием; во всех этих наименованиях рыб явно отражены языческие представления народа — носителя языка.

7. Насекомые и подобные

7.1. Ряд зоонимов в башкирских диалектах образован изафетными конструкциями, содержащими в составе арабское слово *алла* (ар. *الله* *аллаху*) 'бог': с.-з. *алла бабай тараканы* (букв. 'таракан дедушки аллаха') 'солдатык, красноклоп бескрылый' — лит. *көнйылыткыс* или *еңгәсәй*; ср.-урал. *алла быуай һыйыры* (букв. 'корова дедушки аллаха') 'божья коровка' — лит. *камка*, диал. *кояшапай*; ср.-урал. *алла тупейе*, *алла себеше*, с.-з. *алла титейе* (букв. 'божий цыпленок') — название насекомого ярко-красного цвета, обитающего в почве, литературного соответствия нет [ДСБЯ 2002: 20]; ср.-урал. *алла тупейе* переводится как 'божья коровка' [Хисамитдинова 2010: 24]. Там же указано, что в башкирской мифологии такие насекомые, как 'божья коровка' и 'солдатык', относятся к живности Аллаха, а само название *Алла бабай* является антропоморфизацией Аллаха [Хисамитдинова 2010: 23–24]. Как известно, слово *аллах* (ар. *الله*) распространено во многих языках мусульманского мира в значении 'единный бог', 'верховное божество'. У Р. Г. Ахметьянова есть указание на то, что в образах *Алланьң кашка тәкәсе* (Божьего барана с белым пятном на лбу) и *Алла бозавы* (Божьего Тельца) отражены религиозные (языческие) обычаи древних семитских племен: на жертву клали барана, поклонялись статуе золотого тельца [Ахметьянов, I 2004: 60]. Таким образом, скорее всего, происхождение этих названий неверно было бы связывать только с влия-

нием ислама, они могут восходить к более древнему, доисламскому периоду развития семитских языков.

7.2. *бабасыр* (ар. *بواسير* *буасир*) 'глист, острица, власоглав'; в демском, среднем, сакмарском говорах употребляется с межзубным *ç* в форме *бабаçыр*; в демском, среднем, ик-сакмарском говорах употребляется вариант с фарингальным *h* — *бабаһыр* [ДСБЯ 2002: 33]; в «Мифологическом словаре башкирского языка» указано также мифологическое значение этого слова: *бабасыр* 'дух болезни, злой дух' [Хисамитдинова 2010: 46]. Р. Г. Ахметьянов приводит параллели с финно-угорскими и другими тюркскими языками: тат. *бабасыр* 'геморрой; глиста, острица' > мар. *бабасыр*, *навасыр*, удм. *бабасыр* 'явыз рух; *бабасыр*' ('злой дух, глиста') ~ кумык. *бабасур*, туркм. *бабасыл*, узб. *бобосил* и др. < ар. *буасир* «*бүсерләр, бүсер рухлары*» 'дух грыжи' (*бусир* является формой мн. ч. от *бүсер*) и поясняет, что дух грыжи представляли как очень уродливое клещевидное животное [Ахметьянов, I 2004: 104]; таким образом, название насекомого напрямую связано с представлением о нем как о языческом духе.

7.3. *бәрей күбәләге* 'мохнатая бабочка', в демском говоре параллельно употребляются два фонетических варианта — с глухим или звонким в анлауте: *пәрей күбәләге / бәрей күбәләге* (букв. 'бабочка дьявола') — синоним названия *шайтан күбәләге* 'мохнатая бабочка'; происходит от весьма распространенного в тюркских языках персидского заимствования (перс. *پری* *pāri*) *пери*, которое является общим названием невидимых духов. Р. Г. Ахметьянов приводит следующие параллели: тат. лит. *пәри* [*пәрей, пәри*], башк. *бәрей, пәрей*, тат. диал. *пири, пире, пир* 'пери, черт и т. п.', *парий*, удм. *пері*, тат. диал. *фәри* > чув. *хвери, хёвери*, к-калп. *пері*, обще-кыпч. *парий*, *пәри*, уйг. *пәри*, обще-тюрк. *peri* < перс. *пери, pāri* «*пәри; пәрәгән, гүзәл*» 'пери, красавица', восходит к авестийскому *paīrika* с первоначальным значением 'летающая фея, ангел'; подчеркивается, что это слово с древних времен многократно заимствовалось в тюркские языки из иранских [Ахметьянов, III 2007: 9]. Н. И. Исанбаев пишет, что относительно марийского языка это наиболее часто употребляемое название невидимых духов, в целом *пәри* — не очень сильный дух-про-

казник, однако в некоторых говорах этому слову придается значение злого духа, нечистого, в литературных произведениях наоборот — значение обольстительной красавицы, русского *péri* [Исанбаев 1978: 48]. В башкирской мифологии *бәрей* ‘бес, нечистая сила’¹; *бәрей күбәләге* приводится как синоним названия *шайтан күбәләге* (букв. ‘бабочка шайтана’) — ‘серая ночная бабочка’ [Хисамитдинова 2010: 79, 358]; в татарских диалектах употребляется *пәрәгән* в значении ‘фея, эльф’, которое Р. Г. Ахметьянов возводит к согд. *pārikān* ‘королева фей’, отмечая, что оно имеет родство с иранским *pāri* [Ахметьянов III, 2007: 9]. Вторая часть названия исконная: **kerēlek* ‘бабочка, мотылек’ [СИГТЯ 2001: 187].

7.4. *мәликәтутай* ‘божья коровка’, от (ар. *ملکة* *мәликә*) ‘царица’: в иргизском говоре *мәликәтутай* [ДСБЯ 2002: 240], в северо-западном говоре употребляется фонетический вариант с соблюдением рядного сингармонизма *мәликәтүтәй* [Хисамитдинова 2010: 227] — соответствует баш. лит. *камка* ‘божья коровка’, образовано путем словосложения: ар. *мәликә* ‘царица’ + перс. *тутай* / *тутый* (этимологию слова см. п. 5.5), тат. *мәликәтутай* ‘божья коровка’, чавг., к.-калп. *мәлек татай*, чув. *мәлкә тотай* ‘название детской игры’; наименование насекомого метафорично и связано с его пестрыми, нарядными крыльями [Ахметьянов, II 2007: 179]. В башкирской мифологии божья коровка — мифологизированное насекомое, являющееся животным Аллаха [Хисамитдинова 2010: 171], соответствующая семантика представлена в башкирских диалектах (см. выше п. 7.1. ср.-урал. *алла пипейе*, *алла быуай һыйыры*, *алла себеше*, с-з. *алла титейе* ‘божья коровка’). Имеются сведения в мифологиях других народов относительно мифологизации божьей коровки: так, например, в эстонском эпосе роль посыльных к знахарям выполняют божьи коровки [СИГТЯ 2006: 711]. Лексема *мәлик* / *мәликә* в значении ‘царь / царица’ является одним из старых из зафиксированных заимствований, указано на ее наличие в памятнике «Хосров и Ширин» Кутба (XIV в.): *ملک* *мәлик* ‘царь’ [Наджиб, I 2017: 108] и распространение во многих тюркских языках: узб.

малика ‘царица, правительница’, ‘жена царя или шаха’, ‘принцесса’; к.-балк. уст. *малик* ‘прорицатель, предсказатель’, ‘лекарь, знахарь’; диалектное название насекомого в башкирском языке вторично по отношению к основному.

7.5. *мәсет тараканы* ‘солдатик’ (букв. ‘таракан мечети’); в сакмарском говоре означает ‘солдатик’ — соответствует лит. *еңгәсәй*; в среднем говоре имеет значение ‘божья коровка’ [ДСБЯ 2002: 242]; образовано от *мәсет* (ар. *مسجد* *мәсет*) ‘мечеть’ — мифологизированное священное место поклонения Аллаху, в башкирской мифологии есть культовые обряды, связанные с ней (например, дверь мечети участвует в родинном обряде как предмет, направленный на открытие родовых путей; *мәсет эйәһе* — дух-хранитель мечети и др., см. подробно об этом [Хисамитдинова 2010: 229]); лексема *мәсет* встречается в Гератском списке «Кутатгу Билиг»: *māṣit* (*مسجد*) ‘мечеть’ [ДТС 2016: 360]; вторая часть названия — русское заимствование. Очевидно, диалектное наименование насекомого возникло в силу его восприятия как некоего мифологизированного существа, по аналогии с вышерассмотренными названиями *бабасыр* ‘глист, острица, власоглав’ и *алла быуай һыйыры* ‘божья коровка’.

7.6. *шайтан* (ар. *شیطان* *шайтан*) ‘черт, бес, дьявол’; в нескольких говорах (аргаяшском, кызыльском, тук-соранском, среднеуральском, айском) употребляется в составе словосочетания *шайтан күбәләге* (букв. ‘бабочка дьявола’ или ‘чертова бабочка’) ‘ночница’ — соответствует лит. *төн күбәләге* ‘ночница’ [ДСБЯ 2002: 389], синоним вышерассмотренного *пәрәй күбәләге* / *бәрей күбәләге* ‘ночная бабочка’; в «Мифологическом словаре башкирского языка» *шайтан күбәләге* обозначен как ‘серая ночная бабочка’ [Хисамитдинова 2010: 358]. Баш. лит., кирг., каз. *шайтан*, тат. *шайтан*, *шәйтан* ‘черт, сатана, бес’; слово распространено во многих языках Евразии в значении ‘враг божества’, ‘злой дух’ [Ахметьянов, IV 2007: 83]; вторая часть слова исконная. Помимо названий животных, в башкирских диалектах заимствование *шайтан* является составной частью многих изафетных конструкций — названий растений (см. подробнее об этом: [Экба 2023: 89–103]); в сакмарском говоре образует изафетную конструкцию *шайтан*

¹ Подробно о дистрибуции употребления лексемы *пәрәй* / *бәрей* в башкирских диалектах см. [Хисамитдинова, Экба 2020].

кәмәһе (букв. 'лодка дьявола') 'байдарка' [ДСБЯ 2002: 389]: очевидно, название возникло на основе метафорического переноса и ассоциируется с ненадежностью и опасностью этого вида водного транспорта.

7.7. *караид. шәмсираккорт* 'светлячок' (букв. 'солнечное насекомое') — соответствует лит. *базлауык* 'светлячок' [ДСБЯ 2002: 401; АСБЯ, IX 2017: 933]; лексема представляет собой сложное слово и происходит от *шәмсе* (ар. *شمس* *шәмсе*) уст. кн. 'солнце' + баш. *корт* 'насекомое' на основе метафорического переноса. Вторая часть слова исконная: *ku:ɾ-t 'червяк, насекомое (общее название)' [СИГТЯ 2001: 181].

В плане словообразования лексем этой подгруппы можно отметить, что одна лексема заимствована без изменений — *бабасыр* 'глист, острица, власоглав', две образованы путем словосложения — *мәликәтутай* 'божья коровка' и *шәмсираккорт* 'светлячок', большинство представляют собой изафеты II типа с арабо-персидским компонентом в качестве главного слова: *алла бабай тараканы* 'солдатик, красноклоп бескрылый', *алла быуай һыйыры* 'божья коровка', *алла пипейе*, *алла себеше*, *алла титейе* 'насекомое ярко-красного цвета, обитающее в почве', *пәрей күбәләге* / *бәрей күбәләге*, *шайтан күбәләге* 'мохнатая бабочка', *мәсет тараканы* 'солдатик', 'божья коровка'. Все эти наименования (за исключением лексемы *бабасыр*) возникли как вторичное явление на почве башкирского языка, в основном на основе метафорического переноса, распространены по большей части в диалектах и говорах и имеют соответствия исконного происхождения в башкирском литературном языке. В дословных названиях насекомых явно отражены древние языческие представления носителей языка о добрых и злых духах, но так как использованная в них заимствованная арабо-персидская лексика непосредственно связана с влиянием исламской религии, соответственно, можно предположить, что на протяжении определенного длительного периода времени происходила контаминация этих двух религий, что и нашло свое отражение в языке.

8. Выводы

В рамках настоящего исследования произведен максимально полный отбор и анализ наименований животных (зоонимов)

арабо-персидского происхождения в литературном башкирском языке, его диалектах и говорах на основании имеющихся словарей, произведены их этимологический и сравнительный анализ с другими тюркскими языками, а также лексико-тематическая классификация. Выделены следующие группы названий: «Млекопитающие», «Птицы», «Рыбы» и «Насекомые и подобные», а также рассмотрены арабо-персидские лексемы, выражающие общее название животных.

По типам словообразования определены следующие группы зоонимов:

1) заимствуется название животного как таковое, среди таких случаев можно выделить подгруппы: а) экзотические: *маймыл* 'обезьяна', *нар* 'одногорбый верблюд', *тау-ис* 'павлин', *тутый* 'попугай', *фил* 'слон'; б) культурно значимые: *былбыл* 'соловей', *шайбаз* 'сокол'; в) медицинские: *бабасыр* 'глист, острица, власоглав';

2) композитные сочетания, среди которых определяются две группы: а) определительные конструкции с изафетом: *пәрей күбәләге* / *бәрей күбәләге* 'мохнатая бабочка', *алла быуай һыйыры* 'божья коровка', *шайтан күбәләге* 'ночница', *алла бабай тараканы* 'солдатик, красноклоп бескрылый', *алла пипейе*, *алла себеше*, *алла титейе* 'название насекомого ярко-красного цвета, обитающего в почве', 'божья коровка', *мәсет тараканы* 'солдатик' — все образованные таким способом наименования являются названиями насекомых; сюда же можно отнести и названия рыб *сәркәш балык* / *сәркәш балыгы* 'бойцовая рыбка (сиамский петушок)' и *сөләймән* 'лосось', которое, скорее всего, является усеченной формой от *сөләймән балыгы* по аналогии с предыдущим названием; б) определительные сочетания без изафета, которые в свою очередь подразделяются на 1) определительные конструкции, в которых заимствованный компонент употреблен в качестве определения: *салбарлы тауык* 'мохнатоногая курица', *зур сыпкай* 'чомга (вид дикой утки)', *хәтерһез ат* 'ленивая лошадь'; и 2) словосложение, где первой частью является арабо-персидское заимствование, вторым — исконное слово: *мәликәтутай* 'божья коровка', *шәмсираккорт* 'светлячок', *мәрийенкүз* 'чирок' (вид мелкой, пестрой утки), *хәрәмалабуга* 'ерш'.

В отношении хронологических рамок

проникновения арабо-персидских названий животных в тюркских языках можно отметить следующее:

1) наиболее древними являются термины, обозначающие общее название животных: *йән* ‘животное, зверь’, ‘живое существо’, *йәнлек* ‘зверь / звериный’, *йәнүар* ‘животное, зверь’, каждое из них зафиксировано в памятниках древнетюркской письменности и имеет развитую систему рефлексов в современных тюркских языках;

2) ряд терминов в башкирском литературном языке являются более поздними образованиями по отношению к исконным и имеют определенную специфику в употреблении, к ним относятся названия: *нар* ‘одногорбый верблюд’, *былбыл* ‘соловей’ и *шахбаз* ‘сокол’; способ заимствования — через книжные источники;

3) несколько терминов, заимствованных книжным путем, вовсе не имеют исконных параллелей, вероятно, в связи с отсутствием самих этих объектов в пратюркской языковой картине мира: *маймыл* ‘обезьяна’, *тауис* ‘павлин’, *тутый* ‘попугай’ и *фил* ‘слон’, при этом названия обезьяны и слона имеют очень древние соответствия, заимствованные из других языков. Подтверждение этой гипотезы находим у А. М. Щербак: «Что касается таких наименований как *тэвэ* ‘верблюд’, *эшгэк* ‘осел’, *піл* ‘слон’, *маймун* ‘обезьяна’, *мәйчэ* ‘кошка’, *палаң* ‘леопард’, то они только в некоторой части (например, общеизвестное название верблюда) имеют несомненно тюркское происхождение. Есть основания считать, что в местах расположения древних тюрок перечисленные животные отсутствовали или по крайней мере количество их было ничтожным» [Щербак 1961: 160];

4) наибольшая часть рассмотренных нами зоонимов возникла в относительно поздний период как вторичное явление уже на почве башкирского языка, в основном на основе метафорического переноса, распространена по большей части в диалектах и говорах и имеет соответствия исконного происхождения в башкирском литературном языке: а) названия насекомых: *пәрей күбәлә*-

ге / *бәрей күбәләге* ‘мохнатая бабочка’, *алла быуай һыйыры* ‘божья коровка’, *шайтан күбәләге* ‘ночница’, *алла бабай тараканы* ‘солдатик, красноклоп бескрылый’, *алла пипейе*, *алла себеше*, *алла титейе* ‘название насекомого ярко-красного цвета, обитающего в почве’, ‘божья коровка’, *мәсет тараканы* ‘солдатик’, *мәликәтутай* ‘божья коровка’, *шәмсираккорт* ‘светлячок’; б) наименования рыб: *сәркәш балык* / *сәркәш балыгы* ‘бойцовая рыбка (сиамский петушок)’ и *хәрәмалабуға*, *хәрәмсе*, *хәрәмтәй* ‘ерш’; в) названия птиц: *зур сыпкай* ‘чомга’, *салбарлы тауык* ‘мохнатоногая курица’ и *мәрийенкүз* ‘чирок’; г) названия млекопитающих: *хәтерһез ат* ‘ленивая лошадь’. Названия насекомых однозначно соотносятся с древними языческими представлениями о существовании добрых и злых духов и отражают низовые религиозные представления, эти наименования образованы на базе башкирского языка с помощью заимствованных компонентов. Сюда же можно отнести названия *бабасыр* ‘глист, острица, власоглав’ (он же ‘Дух грыжи’) и *сөләймән* ‘лосось’ (он же ‘Дух воды’), которые также несут в себе идею языческого мироустройства.

В результате исследования установлено, что та часть названий, которая была заимствована в тюркские языки книжным путем, в основном употребляется только в литературном башкирском языке, незначительная ее часть считается устаревшей, зафиксирована в словарях и встречается по большей части в текстах произведений классиков башкирской литературы. Другая часть названий животных, заимствованная устным путем или уже образованная на почве башкирского языка, употребляется почти исключительно в диалектах и говорах и имеет соответствия исконного происхождения в литературном языке. В этом отношении лексико-тематические группы «Названия животных» и «Названия растений» для арабо-персидских заимствований в башкирском языке совпадают (о названиях растений см. подробнее: [Экба 2023: 89–103]).

Языки и диалекты

аз. — азербайджанский
авест. — авестийский
алт. — алтайский

англ. — английский
ар. — арабский
арамей. — арамейский
баш. — башкирский

башк. — башкирский язык
 булг. — болгарский
 гагауз. — гагаузский
 греч. — греческий
 др.-греч. — древнегреческий
 др.-иран. — древнеиранский
 др.-рус. — древнерусский
 др.-тюрк. — древнетюркский
 евр. — еврейский
 зап.-тюрк. — западно-тюркские
 индо-евр. — индоевропейские
 индо-иран. — индоиранские
 итал. — итальянский
 каз. — казахский
 кайт. — кайтакский диалект кумыкского языка
 кар. — караимский
 к.-балк. — карачаево-балкарский
 кирг. — киргизский
 к.-калп. — каракалпакский
 куман. — куманский
 кумык. — кумыкский
 лат. — латинский
 мар. — марийский
 минз. — минзелинский говор татарского языка
 монг. — монгольский
 морд. — мордовский
 нем. — немецкий

Диалекты и говоры башкирского языка

Восточный диалект

ай. — айский говор
 арг. — аргаяшский говор
 кызыл. — кызыльский говор
 миас. — миасский говор
 сал. — сальютский (сальзигутский) говор

Южный диалект

дем. — демский говор
 ик-сакм. — ик-сакмарский говор

Источники

АСБЯ 2011–2018 — Башкорт теленең академик һүзлеге (Академический словарь башкирского языка): в 10 тт. / под ред. Ф. Г. Хисамитдиновой. Уфа: Китап, 2011–2018. Т. I. 2011. 432 с.; Т. II. 2011. 568 с.; Т. IV. 2012. 944 с.; Т. VI. 2014. 944 с.; Т. VII. 2015. 872 с.; Т. VIII. 2016. 832 с.; Т. IX. 2017. 980 с.
 Ахметьянов 2004–2007 — *Ахметьянов Р. А.* Этимологический словарь татарского языка: в 4 тт. Бирск: Бирск. гос. пед. ин-т, 2004–2007: Т. I. 2004. 258 с.; Т. II. 2007. 238 с.; Т. III. 2007. 240 с.; Т. IV. 2007. 174 с.
 Бектаев 2007 — *Бектаев Калдыбай.* Қазақша-Орысша Сөздік (Казахско-русский словарь).

ног. — ногайский
 обще-кыпч. — обще-тюркский
 осм. — османский
 перс. — персидский
 рус. — русский
 сиб.-тат. — сибирскотатарский
 скр. — санскрит
 согд. — согдийский
 ср.-согд. — средне-согдийский
 ст.-тат. — старо-татарский
 ст.-тюрк. — старо-тюркский
 тат. — татарский
 тоб. — тобольский диалект татарского языка
 тув. — тувинский
 тур. — турецкий
 туркм. — туркменский
 тюрк. — тюркский
 узб. — узбекский
 удм. — удмуртский
 уйг. — уйгурский
 фин. — финский
 фр. — французский
 чаг. — чагатайский
 чув. — чувашский
 эстон. — эстонский
 юж.-тюрк. — южно-тюркские

иргиз. — иргизский говор
 сакм. — сакмарский говор
 средн. — средний говор
 тук-соран. — тук-соранский говор

Северо-Западный диалект

гайн. — гайнинский говор
 караид. — караидельский говор
 нижебельск. — нижебельский говор
 с.-з. — северо-западный диалект
 ср.-урал. — среднеуральский говор
 танып. — таныпский говор

Алматы: Алтын Қазына, 2007. 709 с.
 БТРС 1998 — Большой турецко-русский словарь. А. Н. Баскаков [и др.]; ред.: Э. М.-Э. Мустафаев, Л. Н. Старостов. 2-е изд. М.: Русский язык, 1998. 966 с.
 ДСБЯ 2002 — Башкорт теленең диалекттары һүзлеге (=Диалектологический словарь башкирского языка) / сост.: М. И. Дильмухаметов, У. Ф. Надергулов, С. Г. Сабирьянова, Г. Г. Гаряева. Уфа: Китап, 2002. 432 с.
 ДТС 2016 — Древнетюркский словарь / под ред. Д. М. Насилова, И. В. Кормушина и др.; сост.: Т. А. Боровкова, Л. В. Дмитриева, А. А. Зырин, И. В. Кормушин и др. Изд. 2-е, пересмотр. Астана: Ғылым, 2016. 760 с.

- КБРС 1989 — Карачаево-балкарско-русский словарь / под ред. Э. Р. Тенишева и Х. И. Суюнчева. М.: Русский язык, 1989. 832 с.
- КРС 2002 — Казахско-русский словарь / под ред. Р. Г. Сыздыковой и К. Ш. Хусаин. Алматы: Дайк-пресс, 2002. 1008 с.
- МК 2005 — Махмуд ал-Кашгари. Диван Лугат ат-Турк / пер., предисл. и коммент. З.-А. М. Ауэзовой, индексы сост. Р. Эрмерсом. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. 1288 с. + 2 с. вкл.
- Наджип 2017 — *Наджип Э. Н.* Историко-сравнительный словарь тюркских языков XIV века (На материале «Хосроу и Ширин» Кутба): в 4 кн. Астана: Гылым, 2017. Кн. I. 366 с.; Кн. II. 372 с.; Кн. III. 452 с.; Кн. IV. 620 с.
- НРС 1958 — Ногайско-русский словарь / под ред. Н. А. Баскакова. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1958. 735 с.
- ППАРС 1910 — Полный персидско-арабско-русский словарь / сост. И. Д. Ягелло. Ташкент: Типо-лит. Штаба Туркест. воен. округа. 1910. 1815 с.
- ПРС 1976 — Персидско-русский словарь: в 2 тт. / сост. М. А. Гаффаров. М.: Наука, ГРВЛ, 1976. 1300 с.
- Рубинчик 1983 — *Рубинчик Ю. А.* Персидско-русский словарь: в 2 тт. М.: Русский язык, 1983. 1664 с.
- СОЛКЯ 2020 — Словарь отраслевой лексики кумыкского языка / сост.: Т. Г. Таймасханова, У. Б. Абдуллабекова. Махачкала: Алеф, 2020. 236 с.
- Тумашева 1992 — *Тумашева Д. С.* Словарь диалектов сибирских татар. Казань: Казанск. ун-т, 1992. 356 с.
- УзРС 1988 — Узбекско-русский словарь / под ред. С. Ф. Ақобирова и др. Ташкент: Гл. ред. Узбекской Сов. энциклопедии, 1988. 728 с.
- УРС 1989 — Узбекско-русский словарь / сост.: О. Азизов, В. Ризаева; под ред. И. Хайрулаева. Ташкент: Укитувчи, 1989. 185 с.
- Федотов 1996 — *Федотов М. Р.* Этимологический словарь чувашского языка: в 2 тт. Чебоксары: Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук, 1996. Т. I (А–Р). 470 с.; Т. II (С–Я). 509 с.
- Хисамитдинова 2010 — *Хисамитдинова Ф. Г.* Мифологический словарь башкирского языка. М.: Наука, 2010. 456 с.
- Юдахин 1985 — *Юдахин К. К.* Киргизско-русский словарь (Кыргызча-орусча сөздүк): в 2 тт. Фрунзе: Гл. редакция киргизской советской энциклопедии, 1985. Т. I (А–К). 504 с.; Т. II (Л–Я). 475 с.
- VEWT 1969 — *Räsänen M.* Versuch eines Etymologischen Wörterbuchs des Türkisprachen. Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura, 1969. 533 s.

Sources

- Akhmetyanov R. A. Etymological Dictionary of the Tatar Language. In 4 vols. Birk: Birk State Pedagogical Institute, 2004–2007. Vol. 1, 2004, 258 p. Vol. 2, 2007, 238 p. Vol. 3, 2007, 240 p. Vol. 4, 2007, 174 p. (In Tat.)
- Akobirov S. F. et al. (eds.) Uzbek-Russian Dictionary. Tashkent: Uzbek Sovetskaya Entsiklopediya, 1988. 728 p. (In Uzb. and Russ.)
- Azizov O., Rizaeva V. (comps.) Uzbek-Russian Dictionary. I. Khairulaev (ed.). Tashkent: Ukituvchi, 1989. 185 p. (In Uzb. and Russ.)
- Baskakov A. N. et al. Unabridged Turkish-Russian Dictionary. E. Mustafaev, L. Starostov (eds.). Second edition. Moscow: Russkiy Yazyk, 1998. 966 p. (In Turk. and Russ.)
- Baskakov N. A. (ed.) Nogai-Russian Dictionary. Moscow: State Publishing House for Foreign and Native Language Dictionaries, 1958. 735 p. (In Nog. and Russ.)
- Bektaev Q. Kazakh-Russian Dictionary. Almaty: Altyn Qazyna, 2007. 709 p. (In Kaz. and Russ.)
- Borovkova T. A., Dmitrieva L. V., Zyrin A. A., Kormushin I. V. et al. (comps.) Dictionary of Old Turkic. D. Nasilov, I. Kormushin et al. (eds.). Second edition, rev. Astana: Gylym, 2016. 760 p. (In Turk., Russ., etc.)
- Dilmukhametov M. I., Nadergulov U. F., Sabiryanova S. G., Garyaeva G. G. (comps.) The Bashkir Dialect Dictionary. Ufa: Kitap, 2002. 432 p. (In Bash. and Russ.)
- Fedotov M. R. Etymological Dictionary of the Chuvash Language. In 2 vols. Cheboksary: Chuvash State Institute for the Humanities, 1996. Vol. 1 (A–P), 470 p. Vol. 2 (C–Я), 509 p. (In Chuv. and Russ.)
- Gaffarov M. A. (comp.) Persian-Russian Dictionary. In 2 vols. Moscow: Nauka — GRVL, 1976. 1300 p. (In Pers. and Russ.)
- Khisamitdinova F. G. (ed.) Academic Dictionary of the Bashkir Language. In 10 vols. Ufa: Kitap, 2011–2018. Vol. 1, 2011, 432 p. Vol. 2, 2011, 568 p. Vol. 4, 2012, 944p. Vol. 6, 2014, 944 p. Vol. 7, 2015, 872 p. Vol. 8, 2016, 832 p. Vol. 9, 2017, 980 p. (In Bash.)
- Khisamitdinova F. G. A Dictionary of Bashkir Mythology. Moscow: Nauka, 2010. 456 p. (In Bash. and Russ.)
- Mahmud al-Kashgari. *Dīwān Lughāt al-Turk*. Z.-A. Auezova (transl., foreword, etc.), R. Ermers (indices). Almaty: Daik-Press, 2005. 1288 p. (In Turk., Russ., etc.)
- Najip E. N. Comparative Historical Dictionary of

- Fourteenth-Century Turkic Languages: A Case Study of *Khosrow* and *Shirin* by Qutb. In 4 vols. Astana: Gylym, 2017. Vol. 1, 366 p. Vol. 2, 372 p. Vol. 3, 452 p. Vol. 4, 620 p. (In Turk., Russ., etc.)
- Räsänen M. Versuch eines Etymologischen Wörterbuchs des Türkischen. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1969. 533 p. (In Germ.)
- Rubinčik Yu. A. Persian-Russian Dictionary. In 2 vols. Moscow: Russkiy Yazyk, 1983. 1664 p. (In Pers. and Russ.)
- Syzdykova R. G., Khusayin K. Sh. (eds.) Kazakh-Russian Dictionary. Almaty: Daik-Press, 2002. 1008 p. (In Kaz. and Russ.)
- Taymaskhanova T. G., Abdullabekova U. B. (comps.) Dictionary of Kumyk Industrial Terms. Makhachkala: Alef, 2020. 236 p. (In Kum. and Russ.)
- Tenishev E. R., Suyunchev Kh. I. (eds.) Karachay-Balkar-Russian Dictionary. Moscow: Russkiy Yazyk, 1989. 832 p. (In Kar.-Balk. and Russ.)
- Tumasheva D. S. The Tatar Dialect Dictionary: Siberia. Kazan: Kazan State University, 1992. 356 p. (In Tat. and Russ.)
- Yagello I. D. (comp.) A Complete Persian-Arabic-Russian Dictionary. Tashkent: Headquarters of Turkestan Military District, 1910. 1815 p. (In Pers., Arab. and Russ.)
- Yudakhin K. K. Kyrgyz-Russian Dictionary. In 2 vols. Frunze: Kirghiz Sovetskaya Entsiklopediya, 1985. Vol. 1 (A–K), 504 p. Vol. 2 (Л–Я), 475 p. (In Kyrg. and Russ.)

Литература

- Ахметова-Урманче 2004 — *Ахметова-Урманче Ф. В.* Татар эпосы. Дастаннар (=Татарский эпос. Дастаны). Казань: Раннур, 2004. 639 с.
- Базарова 1978 — *Базарова Д. Х.* История формирования и развития зоологической терминологии узбекского языка. Ташкент: Фан, 1978. 224 с.
- Бартольд 1965 — *Бартольд В. В.* Сведения об Аральском море и низовьях Амударьи с древнейших времен до XVII века // Сочинения. Т. III: Работы по исторической географии. М.: Наука, 1965. 711 с.
- Исанбаев 1978 — *Исанбаев Н. И.* Лексико-семантическая классификация татарских заимствований в марийском языке // Вопросы марийского языка. Йошкар-Ола: Мар. НИИ, 1978. С. 3–50.
- Ишбердин 1970 — *Ишбердин Э. Ф.* Названия животных и птиц в башкирских говорах: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Уфа, 1970. 24 с.
- Карамышева 1987 — *Карамышева Б. Х.* К вопросу о культовом значении конных игр в Средней Азии // Прошлое Средней Азии: Археология, нумизматика и эпиграфика, этнография. Душанбе: Дониш, 1987. С. 124–137.
- Новицкий 2017 — *Новицкий И.* Бактриан и дромедар в современном верблюдоводстве [электронный ресурс] // Сельхозпортал. 27.04.2017. URL: <https://сельхозпортал.рф/articles/baktrian-i-dromedar-v-sovremenном-verblyudovodstve/> (дата обращения: 26.09.2023).
- Петров 1995 — *Петров Л. П.* Чувашская орнитонимия и история ее формирования: дисс. ... канд. филол. наук. Чебоксары, 1995. 147 с.
- Садыкова 1994 — *Садыкова З. Р.* Зоонимическая лексика татарского языка. Казань, 1994. 128 с.
- Сафина 2005 — *Сафина Э. И.* Названия птиц в татарском языке и их лексикографирование: дисс. ... канд. филол. наук. Казань, 2005. 27 с.
- СИГТЯ 2001 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Т. 4: Лексика / отв. ред. Э. Р. Тенишев. 2-е изд., доп. М.: Наука, 2001. 822 с.
- СИГТЯ 2006 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Т. 6: Картина мира пратюркского этноса по данным языка / отв. ред.: Э. Р. Тенишев, А. В. Дыбо. М.: Наука, 2006. 908 с.
- Сухарева 1975 — *Сухарева О. А.* Пережитки демонологии и шаманства у равнинных таджиков // Домусульманские верования и обряды в Средней Азии / отв. ред. Г. П. Снесарев, В. Н. Басилов. М.: Наука, 1975. С. 5–93.
- Хабибуллина 2008 — *Хабибуллина З. А.* Древнетюркские названия животного мира в современном башкирском языке. Уфа: БГПУ, 2008. 152 с.
- Хисамитдинова, Экба 2020 — *Хисамитдинова Ф. Г., Экба З. Н.* Наименования духов-хозяев в башкирской мифологии // Урало-алтайские исследования. 2020. № 3(38). С. 111–129. DOI: 10.37892/2500-2902-2020-38-3-111-129
- Щербак 1961 — *Щербак А. М.* Названия домашних и диких животных в тюркских языках // Историческое развитие лексики тюркских языков. М.: АН СССР, 1961. С. 82–172.
- Экба 2015 — *Экба З. Н.* О соотношении пратюркского qut и иранского zap в современных тюркских языках // Урало-алтайские исследования. 2015. № 1(16). С. 53–62.
- Экба 2023 — *Экба З. Н.* Фитонимы арабо-персидского происхождения в башкирском языке и его диалектах // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2023. № 2(43). С. 89–103. DOI: 10.25693/SVG.2023.43.2.007
- Юсифов 1985 — *Юсифов Ю. Г.* Зоологическая лексика азербайджанского языка (на основе орнитонимов): автореф. дисс. ... канд. филол.

- наук. Бакы, 1985. 20 с.
- Hauenschild 2006 — *Hauenschild I.* Botanica und Zoologica im Bābur-name: Eine lexikologische und kulturhistorische Untersuchung // *Turcologica*. Band 66 / ed. by L. Johanson. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2006. Pp. 1–66.
- Megiser 1612 — *Megiser H.* Institutiones linguae Turcicae libri quatuor. Leipzig: Sumptibus authoris impressa, 1612. 340 p.
- References**
- Akhmetova-Urmanche F. V. The Tatar Epos. Dastans (Sagas). Kazan: Rannur, 2004. 639 p. (In Tat.)
- Barthold V. V. Messages on the Aral Sea and lower reaches of the Amu Darya: From earliest times to the seventeenth century. In: Barthold V. V. [Complete] Writings. Vol. 3: Essays in Historical Geography. Moscow: Nauka, 1965. 711 p. (In Russ.)
- Bazarova D. Kh. Uzbek Zoological Terms: A History of Shaping and Development. Tashkent: Fan, 1978. 224 p. (In Uzb. and Russ.)
- Ekba Z. N. On the relation of the Proto-Turkic *qut* and the Iranian *žan* in the modern Turkic languages. *Ural-Altaic Studies*. 2015. No. 1(16). Pp. 53–62. (In Russ.)
- Ekba Z. N. Phytonyms of Arab-Persian origin in the Bashkir language and its dialects. *North-Eastern Journal of Humanities*. 2023. No. 2(43). Pp. 89–103. (In Russ.) DOI: 10.25693/SVGV.2023.43.2.007
- Hauenschild I. Botanica und Zoologica im Bābur-name: Eine lexikologische und kulturhistorische Untersuchung. In: Johanson L. (ed.) *Turcologica*. Vol. 66. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2006. Pp. 1–66. (In Germ.)
- Isanbayev N. I. Lexical and semantic classification of Tatar borrowings to Mari. In: Issues of the Mari Language. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute, 1978. Pp. 3–50. (In Russ.)
- Ishberdin E. F. Animal and Bird Names in Bashkir Dialects. Cand. Sc. (philology) thesis abstract. Ufa, 1970. 24 p. (In Russ.)
- Karamysheva B. Kh. More on the cult significance of equestrian games in Soviet Central Asia. In: R. anov V. A. (ed.) *The Past of Soviet Central Asia: Archaeology, Numismatics and Epigraphy, Ethnography*. Dushanbe: Donish, 1987. Pp. 124–137. (In Russ.)
- Khabibullina Z. A. Old Turkic Animal Names in Modern Bashkir. Ufa: Bashkir State Pedagogical University, 2008. 152 p. (In Russ.)
- Khisamitdinova F. G., Ekba Z. N. Names of local spirits in Bashkir mythology. *Ural-Altaic Studies*. 2020. No. 3 (38). Pp. 111–129. (In Russ.) DOI: 10.37892/2500-2902-2020-38-3-111-129.
- Megiser H. *Institutiones linguae Turcicae libri quatuor*. Leipzig: Sumptibus authoris impressa, 1612. 340 p. (In Lat.)
- Novitsky I. Bactrians and dromedaries in contemporary camel breeding. On: Selkhozportal (Agricultural Web Portal). Posted on 27 April 2017. Available at: <https://selkhozportal.rf/articles/baktrian-i-dromedar-v-sovremennom-verblyudovodstve/> (accessed: 26 September 2023). (In Russ.)
- Petrov L. P. Chuvash Ornithonymy and History of Its Shaping. Cand. Sc. (philology) thesis. Cheboksary, 1995. 147 p. (In Russ.)
- Sadykova Z. R. Tatar Zoonyms. Kazan, 1994. 128 p. (In Tat. and Russ.)
- Safina E. I. Tatar Bird Names and Their Lexicography. Cand. Sc. (philology) thesis abstract. Kazan, 2005. 27 p. (In Russ.)
- Shcherbak A. M. Names of domestic and wild animals in Turkic languages. In: *Historical Development of Turkic Vocabularies*. Moscow: USSR Academy of Sciences, 1961. Pp. 82–172. (In Russ.)
- Sukhareva O. A. Vestiges of demonology and shamanism among plain-based Tajiks. In: Snegarev G. P., Basilov V. N. (eds.) *Pre-Islamic Beliefs and Rituals in Soviet Central Asia*. Moscow: Nauka, 1975. Pp. 5–93. (In Russ.)
- Tenishev E. R. (ed.) *Comparative Historical Grammar of the Turkic Languages*. Vol. 4: Vocabulary. Second edition, suppl. Moscow: Nauka, 2001. 822 p. (In Russ.)
- Tenishev E. R., Dybo A. V. (eds.) *Comparative Historical Grammar of the Turkic Languages*. Vol. 6: The Worldview of Proto-Turks from Linguistic Evidence. Moscow: Nauka, 2006. 908 p. (In Russ.)
- Yusifov Yu. G. Azerbaijani Zoological Terms: A Study of Ornithonyms. Cand. Sc. (philology) thesis abstract. Baku, 1985. 20 p. (In Russ.)

